

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Журнал «Идеи и идеалы» продолжает печатать статьи из наследия известного математика и публициста Абрама Ильича Фета. Они не могли появиться в то время, когда были написаны, и публикуются сейчас впервые в нашем журнале. Работы подготовлены к печати Л.П. Петровой, которой редакция выражает большую благодарность.

УДК 304.4

КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ

А.И. Фет

Автор обсуждает основания для сравнения различных культур. При этом анализируется проблема возможности рассматривать человеческую культуру, опираясь на дарвинизм, и на этой основе показывает логику становления идеологии расизма, которому был поставлен определенный барьер лишь после двух мировых войн. Однако многорасовые общества создают новые идеологии. Одной из подобных идеологий является культурный релятивизм. Она преследует заранее заданную цель обосновать равноправие рас и наций, приняв без обсуждения фикцию равенства всех культур. Более того, она претендует на научность, что совершенно необоснованно. Из равенства отдельных людей не вытекает равенства культур. Культуры – слишком сложные образования. Обычно эта сложность возникает из приспособления культуры к изменяющейся среде и свойственна культурам, устойчивым к изменениям среды и способным к выживанию при столкновении с другими культурами и влиянию на другие культуры. И поэтому объективно существуют культуры разного уровня развития.

Ключевые слова: культура, расизм, дарвинизм, идеология социал-дарвинизма, сложность культуры.

Развитие культуры во второй половине двадцатого века было в значительной мере реакцией на его первую половину, которая была эпохой воинствующего национализма и двух мировых войн. Уже в конце девятнадцатого века в центре мировой политики был империализм: великие державы, а вслед за ними и некоторые малые создавали колониальные империи, стремясь захватить «отсталые» части Земли, и вступали между собой в вооруженные конфликты. Особую агрессивность проявляли вновь возникшие национальные государства, опоздавшие к дележу мира: Германия и Италия, добившиеся единства позже других европейских

государств, и Япония, только что вышедшая из средневекового феодализма и усвоившая техническую сторону европейской цивилизации.

Империализм требовал идейного обоснования, чтобы заставить собственную нацию участвовать в колониальной экспансии и войнах с другими империалистическими государствами. Конечно, такую идеологию никто не заказывал: она возникла в национальных государствах по другим причинам и заняла в сознании народов место прежней религиозной веры, почти потерявшей свое влияние к концу 19-го века. Новая идеология, получившая имя «национализм»,

считала наивысшей ценностью собственную нацию, восхваляя ее и противопоставляя ее «враждебным» нациям. Таково было, во всяком случае, настроение буржуазии европейских стран. Особенно агрессивный национализм развился в «новых» государствах, где он принял форму *расизма* – доктрины, отождествлявшей нации с расами и пытавшейся убедить людей, что *их раса* – наивысшая из всех, предназначенная самой природой для мирового господства.

Нации и национальные государства возникли в Новой истории, соединив родственные (или не обязательно родственные) племенные группы. Соединение их было обычно насильственным, как и вся политика до наших дней; но государственное единство создало почву для развития национальных культур. Каждая культура, как известно, отгораживается от других культур защитными механизмами, препятствующими смешению с ними, и заявляет претензии на превосходство над ними. Национальное государство провозглашает, в более или менее агрессивной форме, превосходство собственной нации, подыскивая более или менее правдоподобные объяснения такого превосходства. В эпоху империализма, когда надвигается прямое столкновение государств, на передний план выступает их *военное* превосходство, способность физически разбить соперников, невзирая на правовые, исторические и гуманные соображения; национальные государства, добивающиеся своих целей путем войны, должны оправдать подготовляемое ими кровопролитие, возбуждая в своей нации воинствующую ненависть к предполагаемому «врагу».

Этой задаче содействовал в начале века так называемый «социал-дарвинизм» – доктрина, претендовавшая на научное основание и злоупотреблявшая тем самым автори-

тетом науки, во многом заменившим у современного человека авторитет религии. «Социал-дарвинисты» пытались перенести на отношения между нациями заимствованную у Дарвина концепцию естественного отбора, которую сам Дарвин назвал «выживанием наиболее приспособленных», а затем, пользуясь малоудачным термином философа Спенсера, «борьбой за существование». Социал-дарвинисты, извращая теорию Дарвина, представляли конкуренцию национальных государств как нечто вроде дарвиновской «борьбы за существование». Но такая аналогия несостоятельна. В этой аналогии «борьба за существование» между нациями не может соответствовать отношениям между видами животных, поскольку разные виды эксплуатируют, как правило, разные ресурсы, и потому не конкурируют между собой. «Борьба за существование» в смысле Дарвина, осуществляющая естественный отбор, происходит между членами *одного* вида и состоит в соревновании за наилучшее использование наличных ресурсов, пригодных для данного вида. Эта «борьба» никоим образом не состоит в прямом физическом противоборстве особей одного вида: такой вид не мог бы выжить; более того, даже прямая «общественная» конкуренция в виде полового отбора опасна, так как может перейти в патологическое развитие особенностей, вредных для выживания вида. «Борьбу» между племенами и нациями можно сравнить лишь с «групповым отбором» – еще мало изученным соревнованием между стадами общественных животных – причем опять таки это всегда соревнование за наилучшее использование ресурсов, а не прямое противоборство. Стаи волков, прайды львов и т. п. не воюют между собой. Таким образом, ссылка «социал-дарвинистов» на «законы при-

роды», на «биологическую необходимость» войн не выдерживает критики. Это апелляция не к биологии Дарвина, а к сомнительной мудрости некоторых философов вроде Гоббса, рассматривавших весь мировой порядок как «войну всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*). Есть только два вида, у которых группы ведут между собой войны: это заведомо «патологические» виды – человек и крыса. Общего «закона природы», оправдывающего войны, не существует, и если они могли играть роль в развитии нашего вида, то в наше время они безусловно вредны.

Конечно, философские картины мироздания, о которых только что была речь, основывались на том факте, что живые организмы питаются другими организмами, за исключением растений. Этот факт вызывает у некоторых людей моральное отталкивание, что приводит, например, к вегетарианству. Но мир все же не так ужасен, как казалось Гоббсу: соревнование между особями *одного вида*, как правило, сводится к конкуренции в поисках пищи и в избегании опасностей, а вовсе не к физической борьбе. Если в истории человека наблюдались исключения из этого правила, то их и надо рассматривать как специфически человеческое *социальное явление*, а не ссылаться на общий «биологический закон».

Таким образом, «социал-дарвинизм» был псевдонаучной идеологией, предназначенной для оправдания агрессивных войн между национальными государствами. Эта доктрина приобрела особую популярность в «новых» государствах, правящая элита которых стремилась к переделу мира посредством агрессии. Брошюры немецких «социал-дарвинистов» апеллировали к предрассудкам и фобиям тех слоев населения, которые не способны были про-

честь Дарвина: ими вдохновляясь, например, молодой Гитлер. В этих сочинениях на передний план выдвигалось сомнительное понятие «расы»: нация определялась уже не культурными и историческими признаками, а предполагаемым общим происхождением. Конфликты между державами трактовались как биологически неизбежная «борьба за существование» различных и неравноценных рас, в которой «высшая раса» должна подчинить себе или уничтожить «низшие расы». В начале двадцатого века расовая доктрина была уже весьма популярна в Европе, особенно в Германии; в Америке она нашла благоприятную почву в пережитках рабовладельческой системы; наконец, японские милитаристы переняли у европейцев и это «достижение», провозгласив собственную расу сильнейшей и предназначенной к мировому господству. Распространение расовой доктрины, или «расизма», представляло пример образования идеологии на основе ложного истолкования научных теорий. Другим примером была, как известно, идеология коммунизма.

Самое слово «раса» английского происхождения, первоначально применялось только к животным, главным образом к собакам. Развитие расизма, отвечавшее потребностям возникшего национализма, предшествовало появлению теории естественного отбора (1859 г.). Первым философским сочинением, излагавшим фашистскую доктрину, была вышедшая в 1855 г. книга французского аристократа графа Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас». В этом многословном трактате, насчитывающем свыше тысячи страниц, Гобино восхваляет преимущества «нордической», т. е. германской расы, придумывая для нее фантастическую историю. Он приходит к пессимистическим заключени-

ям о судьбе человечества, поскольку в нем не удерживаются идеальные пропорции расовых элементов, какие были, например, в период расцвета греческой культуры, где основная нордическая раса обогатилась семитической кровью, доставившей недостававшую германцам творческую фантазию. Эту философию упростил Хьюстон Стюарт Чемберлен, англичанин, переехавший в Германию и сделавшийся немецким писателем. В 1899 году он опубликовал «Основы 19-го столетия», где провозгласил уже «чистоту германской расы» главным условием ее превосходства, и тем самым стал предшественником расовой доктрины нацистов.

Расизм был примерно таким же псевдонаучным построением, как «мичуринская биология» Лысенко, и точно так же возмещал убожество своей аргументации физическим преследованием оппонентов. Расисты не принимали во внимание смешанный характер всех европейских наций, в том числе немецкой и итальянской, и вынуждены были мириться с неоднородностью их физических признаков, подгоняя свои расовые критерии к текущей политике своих хозяев. Трагические результаты этой политики достаточно известны. Вторая мировая война привела к отчетливой формулировке принципов гуманизма и равноправия всех людей, принятой (по крайней мере, на словах) странами антифашистской коалиции.

Создание Организации Объединенных Наций и крушение колониальной системы привели к повсеместному осуждению расизма и провозглашению общих «прав человека», не зависящих от его происхождения, пола, социального и экономического положения. Конечно, эти принципы не были воплощены в жизнь и даже не принимались всерьез большинством практических политиков, вынужденных включать

их в официальные документы, но самая их формулировка была уже важным поворотным пунктом в истории человечества – великим достижением, оплаченным страшными жертвами двух мировых войн.

Конечно, противоречия между культурами не были разрешены крушением воинствующего национализма в 1945 году. Хотя общее направление истории несомненно ведет к созданию единой мировой культуры, прекращению войн и взаимному оплодотворению различных культур, национальные и даже религиозные конфликты все еще дают опасные рецидивы. Например, в странах ислама, где разложение религии не доросло еще до «западного» уровня, продолжают попытки гальванизировать остатки мусульманского фанатизма, и даже в России, где серьезной религиозности давно уже нет, а «национальные чувства» сохранились только в виде мещанской ксенофобии, продолжают попытки бить мертвую лошадь великорусского шовинизма.

Но развитие мировой экономики в новых условиях, при отказе от прямого применения военной силы, навязывает промышленно развитым странам «идеологию ООН»: формальное признание «прав человека», как это часто бывает с юридическими доктринами, становится самостоятельным действующим политическим фактором, с которым всем приходится считаться. Утопический лозунг «Соединенных Штатов Европы», вызывавший насмешки в начале века, превращается в действительность. И когда главы семи важнейших государств собираются, чтобы улаживать мировые экономические – и не только экономические – конфликты, то при всем убожестве

политических лидеров, которых выдвигает наше время, в этом можно видеть зародыш будущего Мирового правительства. Ясно, что в этих условиях взгляды графа Гобино, и тем более Стюарта Чемберлена, крайне неуместны. И хотя «развитые» страны по-прежнему извлекают огромные выгоды из своего «развитого» положения, они не смеют больше оправдывать такое положение своим расовым превосходством. Они оправдывают эти выгоды временным отставанием «других» стран, тщательно избегая всякого упоминания об их культурных особенностях: сначала эти страны назывались «недоразвитыми» (*underdeveloped*), потом «слаборазвитыми», а теперь их называют «развивающимися». Ни в коем случае нельзя говорить о том, что культуры этих стран (без помощи европейской) не в состоянии выйти из своего отставания; тем более нельзя говорить о «высших» и «низших» культурах. На такие выражения наложены табу, точно так же как на выражения «высшие расы» и «низшие расы».

К этим внешнеполитическим ограничениям прибавились специальные внутренние условия, особенно проявившиеся в Соединенных Штатах. Здесь уже отменены законодательные формы расовой и национальной дискриминации, но по существу социальное положение человека по-прежнему зависит от его расового или национального происхождения, поскольку существуют неписанные и неподдающиеся юридической регламентации законы обращения с «цветными» или с «чужими» людьми. Униженное положение этих людей, формально полноправных граждан, но фактически низведенных на уровень «людей второго сорта», не всегда осознается их привилегированными собратьями, но остро ощущается ими самими.

Поскольку традиционные формы борьбы за равноправие больше не действуют, «цветные» и другие униженные группы населения нередко впадают в отчаяние и прибегают к неадекватным способам выражения своих эмоций, добиваясь внешнего уважения от «белых», ничего не меняющего в психических установках обеих сторон, а всего лишь устанавливающего новые стандарты лицемерия. Например, обычное в прошлом слово *negro*, происходящее от португальского слова, означающего просто «черный», теперь полагается заменять словом *black*, означающим то же самое: причина в том, что *negro* созвучно другому слову, выражающему намеренное оскорбление (и произведенному от того же, эмоционально нейтрального *negro*). Более того, был изобретен искусственный термин *afro-american* – «афро-американец», употребляемый, впрочем, лишь в официальных случаях.

Для черных были введены льготные условия приема на работу и в учебные заведения, часто напоминавшие «дискриминацию на выворот» и воспринимавшиеся как демагогическое заигрывание с «цветным» населением. Впоследствии, под давлением критики, государственные меры этого рода были отменены, но многие учебные заведения, желающие сохранить «либеральную» репутацию, продолжают их применять. Эта политика, разумеется, лицемерна: черным дают возможность получить ничего не стоящие дипломы, тем самым выделяя их как особую группу, как предполагается, неспособную или не желающую по-настоящему учиться. Трудно придумать более унижительную дискриминацию.

Другой пример лицемерия – это «многорасовая» реклама. Если вы видите в Соединенных Штатах плакат, рекламирующий, например, детскую одежду, то на нем

изображаются дети, носящие эту одежду, непременно в разноцветном ассортименте: двое белых, один черный и один желтый. Предполагается, что это будет приятно черным и желтым покупателям, а белые воспримут такую рекламу с надлежащим ироническим пониманием: в Соединенных Штатах все уже научились играть в «многорасовое общество». Почти все белые соблюдают правила этой игры, чтобы избежать ненужного беспокойства; черные и желтые, конечно, знают, что это означает. Поскольку воспитание населения остается тем же, лицемерие этого «многорасового» спектакля обнаружится при первом же серьезном социальном кризисе.

«Многорасовое общество» с его коммерцией и внешней политикой нуждается в какой-нибудь идеологии, и так как спрос всегда рождает предложение, то западные «гуманитарные ученые» изготовили такую идеологию и распространяют ее, как все другие рыночные товары. Эта идеология называется «культурным релятивизмом» и рассчитана на самую нетребовательную публику. Впрочем, ее предлагают не под этим именем, а под самыми различными респектабельными названиями.

В отличие от *научных* теорий, где результат исследования заранее неизвестен, культурный релятивизм преследует *заранее заданную цель*: «обосновать» равноправие рас и наций, приняв без обсуждения *фикцию равенства всех культур*.

Принцип равноправия всех людей основывается вовсе не на этих сомнительных построениях и точно так же не на юридических актах, признающих за людьми те или иные права. В основе его лежит непосредственное чувство братства и солидар-

ности всех людей, имеющее *биологическое* происхождение и закрепленное культурной эволюцией.

Общепринятые термины «любовь» и «ненависть», описывающие отношения между людьми, выражают главным образом действие двух естественно противостоящих друг другу инстинктов, составляющих динамический механизм человеческого общества: *социального инстинкта* и *инстинкта внутривидовой агрессии*. Исследованный Дарвином социальный инстинкт есть у всех общественных животных, и в частности у приматов; он определяет способы совместной жизни у животных этого вида. Это в наглядном описании «инстинкт притяжения». Изученный Лоренцем инстинкт внутривидовой агрессии, первоначально служащий охране личной территории или охотничьего участка, побуждает животное нападать на *всех* особей своего вида, но не с целью их убийства, а с целью их изгнания со «своей» территории; это «инстинкт отталкивания», корректируемый вторичными инстинктами, препятствующими нападению на самок в период спаривания, на незрелое потомство и т. д. Сообщества животных не могут держаться жесткими связями, поскольку особи должны обладать некоторой независимостью; поэтому действие обоих инстинктов напоминает систему напряженных пружин, в которой, в зависимости от условий, одна пружина пересиливает другую.

Вначале эти инстинкты имели разные сферы действия. Инстинкт внутривидовой агрессии направлялся против *всех* особей своего вида, с указанными выше «поправками», тогда как социальный инстинкт действовал лишь в пределах «собственной» группы или небольшого племени. Инстинкты передаются механизмом генетической

наследственности, но каждый инстинкт, во всяком случае у высших животных, не является жестким алгоритмом, а представляет собой «открытую программу», заполняемую разнообразными «подпрограммами» в течение жизни индивида. Характер этих подпрограмм, впрочем, у животных ограничен возможным опытом этого индивида. Но у *человека*, кроме генетической наследственности, существует вторая система наследственности – *культурная*. Эта система включает в себя понятийное мышление и языковое общение, различающиеся в зависимости от культуры, в которой воспитывается индивид. Культурная традиция у человека имеет собственную эволюцию, в ходе которой инстинкт внутривидовой агрессии был значительно ограничен сначала в применении к «собственной» группе, а потом ко всем людям вообще, тогда как сфера действия социального инстинкта расширялась потенциально на весь человеческий вид. С точки зрения описанной биологической концепции, принадлежащей в основном Конраду Лоренцу, принцип равноправия всех людей следует рассматривать как *результат культурного развития нашего социального инстинкта*. Нарушение этого принципа означает регрессию к давно пройденной стадии культуры – к средневековью или к древности, а в особо резких проявлениях представляет расстройство биологического механизма социального инстинкта, то есть патологическое расстройство в медицинском смысле этого слова.

Конечно, можно сознательно желать регрессии, то есть возвращения к крепостному праву, рабству и другим формам узаконенного неравенства людей, присутшим мертвым культурам и еще не совсем исчезнувшим в нашей современной культуре. В истории в самом деле бывали эпохи ре-

грессии, а в наше время, с нашими сложными машинами и плотным населением, такая регрессия означала бы угрозу самому существованию нашего вида. Но здесь ничего нельзя *доказать*. Принцип равенства есть неотъемлемая часть той культурной традиции, которая прежде – еще до полного признания этого принципа – называлась «христианской», а теперь называется «европейской», или «западной» культурой. По-видимому, никакая другая культура, за исключением, может быть, первоначального учения Будды, не воплотившегося в массовую культуру, не выработала этого принципа. Но «доказать» его нельзя. Попытки некоторых «гуманитарных» ученых доказать равноправие всех культур, как мы увидим, не выдерживают критики. «Опровергнуть» его тоже нельзя. Попытки психологов-бихевиористов измерить человеческие способности при помощи тестов вроде пресловутого *IQ* не привели к убедительным результатам; но если бы даже удалось доказать, что группа людей *A* превосходит группу *B* в математике или лингвистике, а группа *B* превосходит группу *A* в чем-нибудь другом (чего тест *IQ* вовсе не содержит), то это не давало бы ни малейших оснований отвергнуть принципиальное равенство всех людей.

Общие принципы, принимаемые некоторой культурной традицией, в некотором смысле аналогичны религиозным верованиям. Для верующего христианина равенство людей самоочевидно, но для него это могло быть всего лишь равенством «перед богом», не мешавшим такому верующему заниматься работорговлей. Мы, неверующие, принимаем это равенство всерьез, потому что наша этическая традиция, выросшая из христианской, давно ее переросла. Софизмы, призывавшие рабов повиновать-

ся своим господам, до сих пор входят в обязательную этику христиан, хотя они этого и стыдятся. Аналогия с религией нужна нам лишь для того, чтобы объяснить элемент *веры*, входящий в нашу культурную традицию – как и в любую другую. Если вы не верите в равенство людей в указанном выше этическом и культурном смысле, то *вам ничего нельзя доказать*. Будьте в этом случае последовательны и не называйте себя ни христианином, ни демократом, ни гуманистом. А мы уже найдем, как вас назвать!

Но что же такое «культура»? Это слово в его латинском первоначальном смысле означало «земледелие» и сохранило такой смысл в романских языках. Есть два новых смысла, относящихся к нашему предмету. Один из них – это «культура» в единственном числе, означающая «обработанное», «культивированное» состояние человека или общества, в отличие от «природного», «первобытного» состояния, обозначаемого латинским словом *natura*. В этом смысле о культуре много говорили в девятнадцатом веке: говорили о «культурных» и «некультурных» людях, о странах «высокой культуры» и «низкой культуры», а русские разночинцы и коммунисты пытались «повысить культурный уровень» своего народа. В таком смысле слово «культура» чаще всего применяется и по сей день, когда нас окружают все более «некультурные» люди, а культурным называют человека, имеющего какой-нибудь диплом.

В другом смысле слово «культура» имеет множественное число. Это смысл придали ему этнографы, изучавшие в девятнадцатом, и особенно в двадцатом, веке «первобытные» племена. Еще до этого были в обращении термины «французская культура»,

«китайская культура», «африканская культура», «средневековая культура» и т. д. Культурой назывался в таком смысле весь образ жизни соответствующей нации, группы наций или исторического периода в какой-нибудь части света. В девятнадцатом веке начались систематические исследования образа жизни «первобытных» или «примитивных» племен, составившие новую науку – этнографию (или, как ее называют на Западе, этнологию). Этнографы торопились изучить сохранившиеся, еще не затронутые европейским влиянием племена – в джунглях, горах и пустынях, на океанских островах, за полярным кругом. В отличие от первых путешественников, видевших в «туземцах» только невежественных дикарей, и от «философов» восемнадцатого века, надеявшихся этих дикарей необычайными добродетелями, этнографы поселялись среди какого-нибудь племени, изучали его язык и обычаи, делали записи и осторожно фотографировали. Музеи Европы и Соединенных Штатов наполнялись образцами одежды, оружия и искусства изучаемых племен. Оказалось, что эти сообщества были вовсе не просты, что они имели свою исторически сложившуюся культуру, столь же своеобразную и устойчивую, как культуры «цивилизованных» наций. Их фольклор содержал глубокие образцы поэзии, их мифология поразительно напоминала древнейшие предания, дошедшие до нас в письменности Египта, Ближнего Востока и Греции; а нравственные понятия и правовые системы всех племен, при всем различии подробностей, были построены на тех же основных принципах, что и наши. Этнография свидетельствовала о глубоком единстве человеческого рода, в то время как биология пришла к выводу о его общем происхождении, и в конце концов в Восточной Аф-

рике антропологи нашли его родину, приблизительно определив область, где жило первое человеческое племя.

Методы этнографии совершенствовались: от первоначального описательного подхода эта наука перешла к углубленному изучению функционирования общественных механизмов, а после возникновения кибернетики этнографы стали рассматривать племена как живые системы, аналогичные «цивилизованным» сообществам, но остановившимся на более древней стадии развития. Глубокое понимание этих систем было достигнуто в синтезирующих работах Клода Леви-Строса и Грегори Бейтсона. Этнографы поняли, что каждое племя — или группа родственных племен — имело свою *культуру*, и стали говорить о культуре ацтеков, кафров, таитян, острова Пасхи и т. д. Кибернетический подход к племенным культурам увидел в них *модели* человеческой культуры, демонстрирующие ее различные стороны и возможности. Понятие «модели» требует объяснения.

Научное исследование всегда стремится свести более сложное к более простому — настолько простому, чтобы можно было понять свойства более сложного объекта, изучая его упрощенный аналог. Если надо изучить сложный объект X , то ищут более просто устроенный объект Y , воспроизводящий некоторые свойства X , и исследуют эти свойства на объекте Y . Y называется моделью X . Для других свойств того же объекта X можно воспользоваться другой моделью, Z , так что процесс изучения основного объекта X требует привлечения различных моделей, каждая из которых лишь частично отражает свойства X . Уже в самом начале человеческого познания люди пытались «моделировать» явления природы действиями человекоо-

бразных существ; таким образом, в качестве древнейшей «научной теории» возникла религия. В этом случае моделируемые объекты часто бывали по своему строению *проще* человека: человек служил моделью потому, что о нем кое-что знали. Конечно, религия была очень плохим способом моделирования природы, и ее значение состояло в психологической организации человеческого поведения, а не в научном познании. Более серьезной была попытка моделировать на человеке систему *сложнее* человека — человеческое общество. Менений Агриппа, пытаясь умиротворить взбунтовавшийся римский плебс, сравнивал гражданское общество с человеческим телом, причем разным сословиям соответствовали различные органы тела. Этот подход, при всей его наивности, несколько напоминает современную этологию человека, моделирующую культуру видами животных.

В так называемых точных науках применяются математические модели: система X заменяется системой символов Y , связанных между собой определенными отношениями, воспроизводящими те или иные явления в системе X . В физике в качестве моделей используют «уравнения движения», исследование которых доставляет понимание явлений природы. Более сложные явления не поддаются математическому моделированию, т. е. моделированию абстрактными системами. Уже в самом начале кибернетики Норберт Винер и его сотрудники моделировали работу органов человека с помощью саморегулирующихся механизмов, таких как регулятор Уатта, гирокомпас или автопилот. Для более сложных функций моделирование механическими или электрическими системами оказывается недостаточным: эти системы слишком просты. Поэтому попытки моделирования

общественных явлений техническими системами, предпринимавшиеся на первом этапе кибернетики, не привели к интересным результатам. Инженерные устройства были слишком просты, чтобы отображать эти явления. Хорошая модель должна быть достаточно проста, чтобы на ней видны были интересующие нас явления в изучаемой системе. Но в то же время достаточно сложна, чтобы эти явления имели в ней свое отображение. Как уже было сказано, этология моделирует человеческую культуру (одну определенную из культур) некоторым видом животных (тем или другим видом, в зависимости от изучаемых явлений). Плодотворность этого подхода доказывается в книге Лоренца «Оборотная сторона зеркала». Но задолго до возникновения этологии и кибернетики этнографы поняли, хотя и без отчетливых формулировок, что «первобытные» сообщества служат моделями современных «развитых» культур, и нередко изучали их с этой точки зрения. При этом они сознавали, что племенные культуры достаточно сложны, чтобы служить моделями современных культур, но не сомневались в том, что они существенно *проще* современных и поэтому легче поддаются изучению. Именно это обстоятельство стимулировало более глубокое исследование «первобытных» культур: при всей их самостоятельной ценности они помогают нам понять самих себя.

«Первобытные» племена очевидным образом находились на разных стадиях развития. В Центральной и Южной Америке уже развились государства, во многом напоминающие культуру древнего Египта. В Северной Америке и в Африке были уже племенные союзы, похожие на союзы кельтов и германцев, какими их нашли римляне. Другие племена находились на более древ-

них стадиях развития, а некоторые из них, по-видимому, регрессировали с более развитого уровня, оказавшись в особенно неблагоприятных условиях. Как правило, географическая изоляция племен и племенных групп способствовала их культурному отставанию. Различные племенные культуры, при надлежащем их понимании и расположении, раскрывают перед нами всю историю развития человечества до изобретения письменности. Они напоминают кадры единой киноленты, точно так же как близкородственные разновидности одного вида, остановившиеся на разных стадиях развития, раскрыли перед Лоренцем историю развития поведения, как будто снятую замедленной съемкой. В обоих случаях можно проверить закономерность построения путем «интерполяции»: наподобие того, как Менделеев предсказывал элементы, «недостававшие» в его таблице, которые впоследствии обнаруживались в природе, можно предсказать промежуточные формы животных или человеческих сообществ, которые в дальнейшем удастся найти.

Никто из серьезных ученых никогда не оспаривал эту историческую последовательность культур, дошедших до нашего времени в различных стадиях развития. Тем самым культуры располагаются в упорядоченную последовательность по уровню своего развития – впрочем, с некоторой оговоркой. Хотя мы всегда можем оценить этот уровень развития, например, по материальной культуре, языку, иерархической организации и т. д. – это не значит, что культуры можно *строго* упорядочить, установив для *каждых* двух культур, какая из них более развита. То, что в действительности наблюдается, есть скорее «частичная упорядоченность», в которой культура *A* может быть в некоторых отношениях

более развита, а в других – менее развита, чем культура В; но если уровни этих культур *значительно* различаются, то их упорядочение не вызывает сомнений. Так же обстоит дело и в истории поведения, которую можно изобразить не одной, а несколькими «кинолентами», похожими друг на друга. Если они совсем расходятся, то образуется новый вид; это происходит обычно путем быстрого мутационного процесса, причем промежуточные формы вымирают. В случае человеческих племен мы очень мало можем узнать о вымерших племенах, но все выжившие определенно составляют «один вид».

Культурные релятивисты не углубляются во все эти сложные вопросы, опасаясь задеть самолюбие какой-нибудь расовой или национальной группы. В самом деле, если сконструировать из различных племенных культур понятие «африканской культуры» (точнее, культуры банту), то уровень этой культуры может оказаться ниже уровня развития европейской культуры; но тогда могут обидеться активисты черного студенчества, требующие, чтобы европейская и африканская культуры рассматривались как «равноценные», чтобы им отводилось одинаковое место в программах и т. п. Конечно, эти активисты возмутились бы, если бы от них потребовали знания какого-нибудь из языков банту, но зато у них появляется возможность заметно облегчить «европейскую» часть своей учебной нагрузки. Взамен истории Европы им предложат, например, послушать «равноценную» историю Африки, а вместо «белых» преподавателей можно потребовать себе «черных», предполагая, разумеется, что эти всегда будут «равноценны». Иначе говоря, основываясь на «равноценности» культур, некоторые студенты будут добиваться права на *отдель-*

ную форму образования и отдельные программы, то есть на *сегрегацию* в рамках своего университета, предполагая при этом, что им выдадут те же дипломы, что и всем остальным, – дипломы, дающие им те же права. Если довести эту логику до конца, то любая группа, добивающаяся для себя особых привилегий, могла бы сослаться на «равноценность» своей культуры с тем же успехом, если только у нее будет такой же «политический» нажим.

Сущность культурного релятивизма можно выразить простой формулой: «поскольку все люди равны, все человеческие культуры равноценны, и любая попытка установить между ними ранговый порядок есть “расизм”». Эта формула популярна среди американских «левых». Готовность принять ее даже рассматривается как признак «левизны» или «либерализма»; отказ согласиться с нею неизбежно навлекает на человека обвинение в «консерватизме», помещая его в один лагерь с людьми, которых он не желает знать. Иначе говоря, перед нами вовсе не научная теория, а политическая доктрина, претендующая на научное обоснование и имеющая целью смягчение напряжений в «многорасовом» обществе. Что же означают в этой формуле «равноценность» или другие аналогичные выражения в применении к культурам? Что имеют в виду люди, поддерживающие формулу культурного релятивизма, и что хотят сказать те, кто с нею не согласны?

Прежде всего, надо решить, что означает «равноценность». Сама форма этого слова указывает на то, что перед нами *ценностное суждение*, суждение о том, «что хорошо и что плохо». Ценностные суждения недоказуемы – они принимаются вместе с

традицией. Если формула культурного релятивизма означает, что все существующие культуры вызывают у сторонника этой формулы *одинаковое одобрение*, одинаковое эмоциональное отношение к ним, то носителя таких эмоций можно заподозрить в неискренности. В самом деле, способность любить своих «ближних», как уже говорилось выше, у человека ограничивается группой в несколько десятков человек, потому что эта способность определяется инстинктом, сложившимся в первоначальных группах этой численности. По отношению к другим людям у нас может быть другая, не столь интенсивная эмоция, уже не инстинктивного, а «культурного» происхождения. Еще более избирательны наши эмоции по отношению к культуре: человек больше всего любит и ценит культуру, в которой он воспитан, ее язык, ее музыку, ее обычаи, ее литературу и искусство. В редких случаях у человека развивается достаточное знание другой культуры, чтобы ее полюбить, как свою собственную; у образованных людей возникает чувствительность к нескольким «чужим» культурам – но никоим образом не ко всем. Таким образом, «ценностное» определение «равноценности» представляет неправдоподобное допущение о наших эмоциях. Чтобы придать формуле культурного релятивизма серьезный смысл, надо вложить в нее не эмоциональное, а рациональное содержание. В каком же смысле ее можно истолковать?

В этой формуле идет речь также о правах людей. Мы признаем равноправие всех людей, хотя не можем их всех любить, как любим близких людей. Это значит, что любой человек, по нашему убеждению, должен пользоваться одинаковыми возможностями развития и подчиняться одинаковым ограничениям. Несомненно, в таком виде

это рациональное суждение, хотя и нагруженное определенной безличной эмоцией, порождаемой нашей культурой. Я бы определил эту эмоцию следующим образом: мы допускаем, что любой человек, в принципе, может вступить с нами в близкие отношения, то есть достоин нашей любви.

Что же означает «равноценность *культуры*», и вытекает ли она из равноправия индивидов? Как мы уже видели, речь идет не об эмоции, а о рациональном отношении к культурам. Можно ли с *рациональной точки зрения* приписать им одинаковую ценность? Простого признания за всеми культурами права на существование и развитие здесь недостаточно: подобное признание предполагает невмешательство в их жизнь со стороны господствующей западной культуры, поскольку она очень быстро разрушает все «местные» культуры, как только приходит с ними в соприкосновение. Но оставим пока в стороне проблему выживания культур и займемся их «оценкой».

На первый взгляд такая оценка представляется подозрительной. Сто лет назад даже либеральные авторы непринужденно говорили о «высших расах» и «низших расах», смешивая антропологические характеристики людей и их традиционную культуру. Такие авторы не отдавали себе отчета в том, что расовая принадлежность человека не находится в однозначном соответствии с его культурой: она зависит от генетической наследственности человека, а с культурной наследственностью связана лишь статистически, т. е. большинство представителей данной расы по историческим причинам принадлежат некоторой культуре, но может принадлежать и другой. Монголы принадлежат «желтой» расе вместе с китайцами, но язык их был некогда перенят у «белых» племен, а образ жиз-

ни не имеет ничего общего с китайским; черные американцы, какова бы ни была их политическая установка, принадлежат западной культуре в ее очень определенной американской разновидности, а вовсе не к африканской культуре, и т. д. Культура, в том числе ее важный отличительный признак, — язык, никоим образом не тождественна с расой. Это отчетливо понимали уже лингвисты и антропологи девятнадцатого века, если даже они пользовались нелепыми выражениями, будто бы «оценивая» расы как «высшие» и «низшие». Я не говорю здесь, конечно, об ученых и неученых расистах, терминология которых не представляет интереса.

Раса определяется генотипом человека; характерное время изменения расовых признаков — десятки тысяч лет. Культура определяется культурной наследственностью человека; характерное время изменения культурных признаков — сотни лет. Таким образом, на данном этапе существования человечества можно рассматривать расовые признаки как постоянные (отвлекаясь от происходящего в наше время интенсивного смешения рас!), тогда как культурные признаки быстро меняются.

Это значит, что в отличие от расы, культуры имеют *историю*. Расы — понятие биологическое. Они входят в социологию как постоянные величины, которые можно сравнивать по физическим и психическим признакам, как подвиды одного вида, причем различия с биологической стороны несущественны. Поэтому бессмысленно говорить о «высших» и «низших» расах: это смешение культурных признаков с физическими. Культуры — понятие социальное и историческое. Мы пока мало знаем о культурах, но изучение мертвых культур, завершивших свой жизненный цикл, показыва-

ет, что каждая культура проходит фазы развития, аналогичные развитию вида, но значительно быстрее. Во всяком случае, культура начинается с более простой, «примитивной» формы, затем усложняется, достигает длительного устойчивого состояния и, наконец, приходит в упадок или гибнет в столкновении с некоторой другой культурой. Моделирование культуры зоологическим видом гораздо более продуктивно, чем сравнение с жизнью индивида. Можно говорить о «детстве» культуры, о ее «зрелости» и «дряхлоści». Но культура не «смертна» в том же смысле, как индивид. Культура способна существовать в условиях длительной стагнации: история египетской или китайской культур, относительно защищенных от внешних опасностей, напоминает историю видов, живущих в очень медленно меняющейся среде и имеющих мало стимулов изменяться. «Гибель» культуры как правило не означает полного прекращения ее существования: сталкиваясь с другой культурой, она трансформируется в «гибридную» новую культуру. Во всяком случае, культуры *развиваются* от более простых форм к более сложным, а затем может произойти упрощение культуры с выпадением ее более утонченных функций. В ряде случаев культуры изолированных племен обнаруживают доказуемые признаки такого упрощения.

Аналогия между развитием культуры и жизнью индивида неудовлетворительна еще и в том отношении, что индивид, если только не умрет, непременно превращается из ребенка во взрослого; между тем история культуры во всех известных нам случаях останавливается на некоторой стадии, более или менее «развитой» в зависимости от местных обстоятельств, а затем следует застой или распад.

Сложность культуры является ее качественной – характеристикой. Обычно эта сложность возникает из приспособления культуры к изменяющейся среде и свойственна культурам, *устойчивым* к изменениям среды, а следовательно, способным к распространению, к выживанию при столкновении с другими культурами и влиянию на другие культуры. Имеется в виду сложность культуры как динамической системы, взаимодействующей со своей средой и приспособленной к изменениям этой среды, а не утонченное приспособление к неизменной среде с детализацией знания об этой единственной среде. Этнографы обнаружили у многих племен поразительный запас сведений об окружающей природе, о растениях и животных, о погоде, об оттенках цвета и запаха и т. п., а также детально разработанную мифологию, пытающуюся упорядочить и объяснить все эти факты; Леви-Строс назвал эту мифологию «примитивным мышлением». Конечно, сложность этого мышления никак нельзя сравнить со сложностью современного естествознания, позволяющего понять и объяснить явления во всевозможных природных условиях. Но культурные релятивисты настаивают на том, что «все культуры одинаково сложны», и на этом основывают утверждение об их «равноценности». Сложность структуры в научном значении этого слова означает *структуру, приспособленную к выживанию и развитию в разнообразных и меняющихся условиях*.

Этим определяется и оценка сложности вырождающихся, «упадочных» культур. Португальские мореплаватели обнаружили в Индии культуру с гораздо более утонченным уровнем материального быта, но уже разложившуюся и не способную к сопротивлению. При всем их варварстве

эти грубые насильники представляли культуру с более высоким потенциалом развития – более сложную культуру; индийские раджи, не менее жестокие и бессовестные, представляли более простую, увядающую культуру. Я отдаю себе отчет в том, что европейская колонизация была насилием над населением колонизированных стран, порабощением народов этих стран и их безжалостной эксплуатацией. При этом, в отличие от «обычного» столкновения культур, колонизация не могла быть оправдана даже моральными критериями самой европейской культуры.

Сложность культуры в указанном выше «кибернетическом» смысле измеряет ее уровень развития и диапазон ее возможностей. В этом смысле более сложные культуры издавна назывались «высокими» культурами, а культуры вообще различались по их «высоте». В наше время, под политическим нажимом культурных релятивистов, немногие решаются сказать, что одна культура выше другой. Конрад Лоренц усматривает объективные причины для такой классификации культур и применяет к ним это обозначение. Нет серьезных причин отказываться от утверждения, что культура древней Греции выше культуры острова Таити. Это утверждение никоим образом не оскорбляет чувства таитянина, который может быть столь же способным человеком, как Платон или Архимед, но не сможет проявить эти способности, оставаясь в рамках «своей» культуры. Для проявления способностей человека нужны культурные условия. Вряд ли надо кому-нибудь доказывать, например, что японцы могут делать первоклассные работы по математике и физике, но полтора века назад, когда Гончаров прибыл в Японию на фрегате «Паллада», ни один япо-

нец этим не занимался, что не помешало проницательному путешественнику предсказать Японии блестящее будущее. В то время японская культура — весьма утонченная феодальная культура, напоминающая европейское средневековье, — была ниже европейской, а теперь во многих отношениях ей не уступает. Но это уже не та японская культура, какую наблюдал Гончаров: произошла «прививка» к этой культу-

ре европейской культуры, и она испытала качественное изменение. Такую же «прививку» совершил в России Петр Великий. Лоренц считает «прививку» культуры важнейшим фактором культурного развития, несколько напоминающим возникновение нового вида путем мутации. Он ссылается на французского поэта П. Валери, у которого заимствует термин для обозначения этого процесса (“la greffe”).

CULTURE AND CULTURAL RELATIVISM

A.I. Fet

The author discusses the basis for comparison of different cultures. The problem is analyzed whether it is possible to consider human culture referring to Darwinism. On this basis the author shows the logic of the formation of the ideology of racism, for which a barrier was constructed only after two world wars. However, a multi-racial society creates new ideologies. One of these ideologies is cultural relativism. It pursues a predefined goal to justify the equality of races and nations, taking without discussion the fiction of equality of all cultures. Moreover, it claims to be scientific, and that is totally unreasonable. The equality of individuals does not imply the equality of cultures. Culture is too complex formation. Usually this complexity arises from the adaptation of the culture to the changing environment. It is characteristic to the cultures resistant to changes of the environment and capable of survival when confronted with other cultures; in its turn it is capable to influence other cultures. This means that objectively there are cultures of different levels of development.

Keywords: culture, racism, Darwinism, an ideology of social Darwinism, the complexity of culture.